

Восточный архив

№ 1 (49), 2024

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213

E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2024

© Институт востоковедения РАН, 2024

Подписано в печать 05.03.2024

Объем 15,0 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544. Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1 (49), 2024

Слово редактора	3
Рыженков М.Р. Русские военные агенты в Константинополе накануне Крымской войны 1853–1856 годов	4
Божинская (Арандаренко) Л.В., Борошко С.Л. Военно-научные Зеравшанские экспедиции генерал-майора Абрамова	17
Бухерт В.Г. К.П. Кауфман об Афганистане	29
Загородникова Т.Н. Разведка и контрразведка в колониальной Индии. Свидетельство современников	33
Шмидт В. Переселение буров в Восточную Африку	38
Монгуш М.В. Посланники Далай-ламы XIII на приёме у Николая II	47
Беляков В.В. Продление концессии Суэцкого канала	54
Кадырбаев А.Ш. Деятельность в Цинской империи российского военного агента Л.Г. Корнилова (1907–1911)	56
Мышов Н.А. «Среди племён ненависть к англичанам... передаётся из рода в род». Из афганского дневника Л.М. Рейснер	61
Тихонов Ю.Н. Новый архивный источник о советско-афганском споре из-за крепости Кушка в 1922 году	69
Мелентьев Д.В. Раскрепощение «европеек» Средней Азии в 1920-х годах	75
Васильев А.Д. «В Турции будет всё спокойно... хотя нужно спросить об этом Папена». Международное положение Турции накануне нападения Германии на СССР	84
Глушкова И.П. Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 2. Домашний кондуит отставного бюрократа: прошения слуг и резолюции хозяина	94
Прожогина С.В. Эхо VIII века в XXI веке. К вопросу о трансфере культур.....	110
Наши авторы	118

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-75-83

Д.В. Мелентьев

РАСКРЕПОЩЕНИЕ «ЕВРОПЕЕК» СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1920-е ГОДЫ

Изучая гендерную историю советской Средней Азии, отечественные и зарубежные исследователи обращали внимание только на мусульманок, упуская из виду европейских переселенцев. Не существует специальных работ или публикаций источников, рассказывающих о раскрепощении среднеазиатских «европеек» в 1920-е годы, об этом можно найти лишь отрывочную информацию.

«Европейцы» – важное собирательное понятие для истории дореволюционной, советской и постсоветской Средней Азии. Оно объединяет людей со схожим мировоззрением, культурными практиками, ценностями и идеалами, а также владеющих русским языком на уровне родного. В Средней Азии под европейцами понимали/ют различные национальные группы: русских, поляков, украинцев, белорусов, армян, грузин, немцев и другие христианские народы, а также евреев, татар-мусульман и корейцев. Иначе говоря, все некоренные народы, которые под влиянием различных потрясений XIX–XX столетия оказались на территории Среднеазиатского региона. В конце 1920-х годов европейцы составляли меньшинство населения – около 10%¹, но при этом они были активны, инициативны и консолидированы, что позволяло держать под контролем социально-политическую ситуацию в регионе.

Цель настоящей публикации – рассказать о раскрепощении европеек в рамках гендерной модернизации Средней Азии в 1920-е годы. Прежде чем переходить к анализу документа, который публикуется ниже, предлагаю ознакомиться с социально-политическим контекстом и историей среднеазиатских европеек в конце 1910-х – начале 1920-х годов, опираясь на их воспоминания и автобиографии.

Из воспоминаний активистки Т.Д. Троицкой известно, что в 1915 году ташкентские европейки объединились в «Союз солдаток»². Под «солдатками» понимали жён призывни-

ков и вдов солдат, ушедших в ряды русской армии во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Руководительница союза Евдокия Петровна Смотровая вспоминала, что подобные объединения появились во многих городах, но централизованное управление отсутствовало³.

В противовес «Союзу солдаток» как организации «буржуазной» 1 мая 1917 года по инициативе коммуниста Ивана Осиповича Тоболина (1885–1941) был создан «Союз домашних прислуг»⁴. Его появление стало шагом к защите трудовых прав многочисленных неквалифицированных работниц. Согласно статистике, в дореволюционной России 80% женщин трудились в сфере обслуживания⁵. До октября 1917 года «Союзом домашних прислуг» руководили эсерки Пашель и Александра Яковлевна Болгова. Затем они перешли в ташкентский «феминистский» «Женский интеллигентский союз», который возглавлял священник Андреев; кроме них, членами его были меньшевичка Лакина, предпринимательница Агафья Петровна Ерошина, Иванова и Стекольников⁶. После Октябрьской революции туркестанское правительство запретило деятельность «Женского интеллигентского союза», поскольку его участницы агитировали европеек вступать в женские «батальоны смерти» для отправки на фронты Первой мировой⁷.

В Пишпек (Бишкеке) в феврале 1917 года появился женский «Союз 17 года», который в октябре сменил название на «Трудовая женщина»⁸. В задачи союза входило «сделать из женщин независимого в материальном отношении человека и полезного гражданина общества. Путем лекций, бесед, диспутов поднять женщину в умственном отношении, заинтересовав политической жизнью страны»⁹. Руководительницей союза являлась Вера Александровна Соколова, но вскоре она тяжело заболела и по этой причине сошла с ума¹⁰. Активистка Любовь Чаа-

даева в своих воспоминаниях указывает, что она вместе с подругой Марией Антиповной Турапиной поддержали начинания В.А. Соколовой, открыв при организации сапожную и швейную мастерские, а также столовую¹¹.

По воспоминаниям активистки Матрёхиной, в феврале 1917 года в городе Джетысу проходили женские митинги¹². В мае появилась неформальная женская организация (название её не сохранилось), объединявшая до 300 женщин, половина из которых были мусульманками. Женщины старались принести пользу обществу, проводя субботники и помогая солдатам¹³. Интеллигентки-европейки пытались организовать «Феминистский союз», но ничего не вышло, поскольку они не смогли найти поддержки среди женщин. В то же время Матрёхина предложила создать «Союза инвалидов и вдов», что в условиях войны было актуально, а социальная направленность могла привлечь сочувствовавших и нуждавшихся. «Союз инвалидов и вдов» просуществовал до 1919 года, потом был реорганизован в «Союз трудящихся женщин», при котором открыли ткацкую, швейную и сапожную мастерские¹⁴.

Как известно из автобиографии активистки Анастасии Ивановны Малогиной (1880–?), она переехала в Коканд в 1898 году вместе с мужем, которого отправили служить в Туркестанский край из Воронежской губернии Волуйского уезда села Куликово¹⁵. В Коканде А.И. Мологина начала работать прислугой, потом трудилась в военном лазарете прачкой до 1911 года¹⁶. После демобилизации мужа А.И. Мологину уволили из лазарета, она решила брать бельё на дом и ходить стирать по вызовам¹⁷. В 1916 году А.И. Мологина устроилась на кокандский мыловаренный завод предпринимателя Контаровича. Под влиянием демократических свобод Февральской революции коллектив завода создал профсоюз рабочих. А.И. Малогину избрали делегаткой на съезд по установлению 8-часового рабочего дня (на съезде присутствовало 60 женщин и 20 мужчин)¹⁸.

По итогам съезда А.И. Мологина предъявила Контаровичу резолюцию о 8-часовом рабочем дне и требование улучшить быт

тружеников, в ответ на что вместе с 20 женщинами была уволена¹⁹. При этом мужчины, участвовавшие в съезде и подписавшие резолюцию, уволены не были. Чтобы морально и материально поддержать женщин, потерявших работу, А.И. Мологина создала «Союз солдаток», при котором появились швейная мастерская и столовая²⁰. После Октябрьской революции А.И. Мологина начала строить политическую карьеру, вступив в партию большевиков, а также стала агитировать за раскрепощение женщин Коканда. Во время вооружённой борьбы за власть зимой 1917/18 года между ташкентскими советами и кокандской антибольшевистской *Туркистон мухторияяти* (Туркестанской автономией) А.И. Мологина сражалась вместе с красными гарнизонами за установление советской власти в Коканде. В 1919 году её выбрали делегаткой на партийный съезд Коммунистической партии Туркестана (КПТ), на котором она прошла в состав ташкентского городского совета (ташгорсовета)²¹.

Похожая история произошла с активисткой Евдокией Прокофьевной Колесовой (1882–?). Из её автобиографии известно, что в 1907 году она приехала в Коканд вслед за мужем, которого отправили в Туркестанский край на военную службу из Уфимской губернии Двонейской волости села Двоней. После Февральской революции один из местных коммунистов предложил Е.П. Колесовой организовать «Союз делегаток», к которому согласились присоединиться приблизительно 200–300 европейек²². Появился ли этот союз – неизвестно, видимо, нет, поскольку Е.П. Колесова вошла в другую организацию – «Союз прислуг и прачек» (ещё до переезда она работала прачкой), который по функциям она считала похожим на профсоюз²³.

В 1917 году в туркменском городе Мерв активистки Алфёрова, Мещерякова, Аласковская и Копейкина организовали «Женский союз», при котором они открыли школу ликвидации неграмотности, столовую и детские ясли²⁴. Деньги на создание союза и вспомогательные объекты женщины получили из пожертвований. Когда Мерв заняли белогвардейцы, «Женский союз» был ликвиди-

рован, но его участницы вели тайную агитацию среди европейцев за власть Советов. После того как в 1920 году Красная армия отбила Мерв у белогвардейцев, «Женский союз» возобновил работу²⁵.

После Октябрьской революции раскрепощением в РСФСР, а затем и СССР стали заниматься отделы по работе среди женщин (*женотделы*). Их прототип – Комиссия по агитации и пропаганде среди женщин при ЦК РКП(б) появилась в Москве в 1919 году под руководством Инессы Фёдоровны Арманд (1874–1920), а затем и в столице Туркестанского края – Ташкенте. Первой руководительницей ташкентской комиссии стала коммунистка (с 1905 года) Ида Исааковна Финкельштейн (1880–1961), ей помогли москвички Марченко и Дворкина, а также Макарова и Образцова из Самары и несколько ташкентских татарок²⁶.

В 1920 году Комиссию по агитации и пропаганде среди женщин реорганизовали в московский и ташкентский центральный отдел по работе среди женщин (московский и ташкентский ЦО). Руководительницей московского стала Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), а ташкентского ЦО – полячка Берта Эммануиловна Бендецкая (1898–1970?)²⁷. Туркестанские женотделы зачастую появлялись не на пустом месте, а на фундаменте дореволюционных женских организаций. Так, например, произошло в Пишпекке с союзом «Трудовая женщина»²⁸, в Джетысу с «Союзом трудящихся женщин»²⁹ и с мервским «Женским союзом», который начал работать, согласно воспоминаниям активистки Нарожной, как женотдел с 1921 года³⁰. Активистки дореволюционных женских организаций Туркестана стали сотрудницами женотделов, например, А.И. Мологина, Е.П. Колесова и другие, чьи воспоминания и автобиографии, написанные в 1925 году, процитированы выше.

В 1921 году был разработан проект раскрепощения среднеазиатских женщин³¹. В соответствии с ним целями раскрепощения среди мусульманок назывались: ликвидация «религиозных и бытовых предрассудков», повышение уровня политической грамотности, труд на государственных пред-

приятиях, просвещение и улучшение правового положения³². Среди европейек целью раскрепощения провозглашалась борьба с «колонизаторством»³³.

В проекте нет пояснений, что это значило, зато удалось найти развёрнутое определение, которое дал ответственный секретарь Среднеазиатского бюро (Средазбюро) ЦК РКП(б) Исаак Абрамович Зеленский (1890–1938) в феврале 1925 года на учредительном съезде коммунистической партии Узбекской ССР: «Среди некоторой части членов нашей партии есть такой взгляд, что говорить о советской власти, о настоящей советской власти, т.е., о власти бедняков, середняка-крестьянина, о власти рабочего класса, о власти пролетария здесь, в Средней Азии, по меньшей мере, смешно. Есть среди некоторой части наших товарищей, членов партии, определённое мнение, что здесь создать советской власти нельзя, что здесь народ тёмный, неграмотный, что хозяйственные отношения здесь сложились таким образом, что нет экономической основы для того, чтобы создать здесь советы, что наша задача здесь заключается в том, что мы должны развивать хлопковые посевы, должны закупать сырьё, надо этот хлопок и сырьё вывозить, надо соблюдать по возможности гражданское спокойствие в стране, но не больше. А мысли о том, чтобы строить советы, отложить до другого времени.

Нет, товарищи, более вредного, более недопустимого, более колонизаторского отношения к вопросам народов Средней Азии, такое отношение к этому недопустимо. Колонизаторство заключается не в том, что люди говорят правду в глаза, а в том, что туземное крестьянство может взять власть в свои руки и удержать эту власть. Как нежно и сладко с вами ни говори, но, если человек говорит: “страна недостаточно грамотна, темна, батрак не активен, и поэтому нет возможности строить советскую власть” – не верьте ему, – это есть настоящее и подлинное колонизаторство. Колонизаторство есть неверие в силу туземного крестьянства, в его способности к организации, к борьбе»³⁴.

В контексте гендерной модернизации 1920-х годов «колонизаторство» нужно по-

нимать как скепсис сотрудниц женотделов и местных европейцев в отношении возможностей преодоления коренным населением культурной отсталости, религиозности и связанных с ней «бытовых пережитков и предрассудков», которые, сковывая мусульманок, не позволяли им интегрироваться в советскую политическую систему, общество и экономику.

Напротив, европейки были открыты к сотрудничеству с государством, помогали женотделам и пользовались теми возможностями, которые те предоставляли. Например, в 1923 году в Полторацке (Ашхабаде) появились частные артели, организованные европейками, которые работали на собственных швейных машинках³⁵. Женотделы после создания артелей предлагали женщинам вступить в отраслевой профсоюз³⁶, и, как правило, в них записывались европейки. По данным на 1923 год в Туркестанской автономной советской социалистической республике (ТАССР) насчитывалось 78 640 членов профсоюзов, из которых лишь 16,8% были представителями коренного населения³⁷. По состоянию на 1925 год женщин в среднеазиатских профсоюзах насчитывалось 1 368 человек, из которых всего 133 являлись мусульманками³⁸.

28 января 1926 года в Ташкенте открылась табачная фабрика «Уртак» («Товарищ»), которая стала первой подобной в Узбекской ССР. На торжественном открытии выступал председатель Средазбюро ЦК ВКП(б) и местного отдела Всесоюзного центра совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Ударов, который сказал следующее: «Новая табачная фабрика кладет начало развитию промышленности в Средней Азии. Фабричная машина не только делает товар, она воспитывает новых борцов и строителей социализма, особенно из коренного населения и особенно женщин»³⁹. В 1926 году сотрудницами ташкентского ЦО Чернышёвой, Мелькумовой и Софьей Николаевной Шимко (1896–1975) было проведено «обследование» фабрики. На тот момент на ней трудилось 302 рабочих и служащих, большинство персонала составляли женщины, из которых 118 были европейки и 48 узбечки⁴⁰.

А. Чернышёва, Мелькумова и С.Н. Шимко в разговоре с директором фабрики, коммунисткой с 1917 года и женой И.А. Зеленского Анной Григорьевной Зеленской (урожденной Сольц, 1890–?) выяснили, что европейки недовольны квалификацией и степенью вовлечённости узбечек в жизнь коллектива⁴¹. А.Г. Зеленская также была не в восторге от продуктивности узбечек. Она утверждала, что они «малоспособны к работе, чрезвычайно медлительны и много прогуливают»⁴². А. Чернышёва, Мелькумова и С.Н. Шимко ничего не могли возразить на замечания А.Г. Зеленской, поскольку во время обхода фабрики воочию убедились, что европейки работают лучше узбечек⁴³.

Европейки проявляли живой интерес к образованию. В большинстве женских школ в первой половине 1920-х преподавательницами были татарки⁴⁴. Одни из первых педагогических курсов для мусульманок Ташкента были созданы в 1920 году татарской поэтессой Захидой Хусаиновной Бурнашевой (1895–1977)⁴⁵. Кроме неё, в туркестанских школах для девочек в первой половине 1920-х годов преподавала таджикская писательница татарского происхождения Розия Байматовна Гафурова (родилась в Ходжен-те, 1893–1957, литературный псевдоним Розия Озод), а также учительница-татарка Мукаррам Кадырова из Коканда⁴⁶. Среднеазиатские татарки были увлечены делами комсомола, без стеснения работали с мужчинами в школах, контрольно-хозяйственных комиссиях, студенческих комитетах, организовывали театральные, музыкальные, художественные и спортивные кружки⁴⁷.

Наравне с татарками энтузиазм проявляли бухарские еврейки, которые массово записывались в институты просвещения (*инпросы*), а затем становились их управляющими, самостоятельно открывали школы ликвидации неграмотности, участвовали в деятельности комсомола⁴⁸. В Бухарской народной социалистической республике (БНСР) в 1924 году был открыт женский клуб при непосредственном участии 17-летней полячки (имя неизвестно), а должность инструктора занимала полячка Осовская⁴⁹. При клубе существовали курсы рукоделия, которые про-

водила сербка Милентьева⁵⁰. По словам руководительницы женотдела БНСР Капитолины Судаковой, Милентьева являлась активной сторонницей раскрепощения мусульманок и хорошо себя зарекомендовала на этом поприще⁵¹. При клубе работала учительница-татарка Фатима Алиева, которая вела кружок ликвидации неграмотности⁵². В показательном ташкентском женском клубе им. Н.К. Крупской, открывшемся в мае 1924 года, руководительницей была Ольга Михайловна Попова (1894–?)⁵³.

Европейки также были хорошо представлены в сфере медицины. Как писал автор брошюры «Узбечка» В.И. Москалёв, в первой половине 1920-х годов в республиканских акушерских пунктах, родильных домах и гинекологических отделениях больниц работали русские и татарки, а узбечки выполняли функции санитарок⁵⁴. Также нужно отметить, что в системе здравоохранения ТАССР, а затем и Узбекской ССР работало много врачей-евреев. Отдельно следует сказать о работе Серафимы Тимофеевны Любимовой (1898–1970) на посту руководительницы ташкентского ЦО (1923–1926). Она оставила богатое эпистолярное наследие, публикуясь в журнале «Коммунистка»⁵⁵, написав несколько брошюр о раскрепощении мусульманок Средней Азии⁵⁶, а также учебное пособие для местных сотрудниц женотделов⁵⁷.

В раскрепощении женщин Средней Азии участвовала и поэтесса Анна Владимировна Алматинская (1883–1973). Она сотрудничала с ташкентским ЦО, который поручил ей освещать в печати деятельность женотделов по раскрепощению мусульманок. А.В. Алматинская принимала непосредственное участие во многих мероприятиях ташкентского ЦО, отстаивала интересы женотделов⁵⁸. Борьбе за гендерное равенство А.В. Алматинская посвятила очерк «Из мглы тысячелетий», в котором описала тяжёлый быт «женщин Востока»: Туркестана, Аравии, Монголии, Индии и других, а также издала сборник стихов и кратких рассказов-зарисовок «Придорожные травы»⁵⁹.

Ташкентский ЦО боролся и за правовую защиту женщин в среднеазиатских судах,

прокуратуре и милиции. В этом плане необходимо вспомнить о Т. Мичуриной – инспекторе по правовым вопросам ташкентского ЦО. В 1926 году она провела обследование работы судов, прокуратуры и милиции в Киргизской автономной области (КАО), Узбекской ССР⁶⁰, Туркменской ССР⁶¹ и Таджикистане⁶². Выяснилось, что в Средней Азии суды, прокуратура и милиция никак не защищают женщин от мужского произвола, а также пользуются при вынесении приговора не советским законодательством, а нормами *адата* и *шариата*. Вероятно, «обследование» среднеазиатских республик и выявление множества проблем с работой судов и правоохранительных органов в конечном счёте и привели к *Худжуму*, основной целью которого являлось отнюдь не уничтожение *паранджи*, а проведение в жизнь законов о гендерном равенстве, о чём писал в «Правде Востока» И.А. Зеленский в 1926 году⁶³. Таким образом, европейки внесли весомый вклад в стабилизацию работы женотделов и борьбу за гендерное равенство во всех сферах жизни в Средней Азии 1920-х.

Публикуемый ниже документа – это письмо уроженки Воронежской губернии Елены Боровой, которая в детстве со своими родителями переехала в Фергану, спасаясь от голода в России 1921–1922 гг. Письмо найдено в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 62 описи 2, содержащем документы отделов Средазбюро ЦК ВКП(б). Письмо обнаружено в печатном виде и датируется 1927 годом, когда Узбекскую ССР посетила последняя руководительница (1926–1930) московского ЦО Александра Васильевна Артюхина (1889–1969). После Октябрьской революции А.В. Артюхина наравне с А.М. Коллонтай была инициатором создания женотделов. А.В. Артюхина сменила на посту руководительницы московского ЦО другую профсоюзную деятельницу, Клавдию Ивановну Николаеву (1893–1944). А.В. Артюхина была удобным кандидатом на посту руководительницы московского ЦО, поддерживая И.В. Сталина и всегда подчиняясь партий-

ным распоряжением и никогда не проявляя инициативы, в отличие от своих предшественниц⁶⁴. При А.В. Артюхиной раскрепощение, включавшее целый комплекс стратегий и методов, свелось к утилитарному – привлечению женщин к труду⁶⁵, что было связано с коллективизацией и индустриализацией.

С.Т. Любимова приглашала А.В. Артюхину посетить Узбекскую ССР в 1926 году, но тогда она отказалась, сославшись на переутомление и болезнь⁶⁶. Приехала А.В. Артюхина в Ташкент 8 марта 1927 года на празднование Международного дня работниц. Это знаменательная дата для истории Узбекской ССР и всей Средней Азии, поскольку в этот день был начат *Худжум* – кампания в защиту советского законодательства о гендерном равенстве. В Ташкенте 8 марта 1927 года, кроме А.В. Артюхиной, на торжественном митинге в «старой» части города присутствовали: Клара Цеткин (1857–1933), Антонина Ивановна Нухрат (1900–1983), Евсталия Александровна Росс (1896–1987?) и другие⁶⁷. Как следует из письма, А.В. Артюхина побывала в Фергане, посетив женский медицинский техникум, в котором и училась Е. Боровая. О том, что А.В. Артюхина инспектировала во время Худжума города Узбекской ССР, ранее было неизвестно.

В письме Е. Боровая рассказала о себе и родителях. Главная проблема заключалась в том, что Е. Боровая в детстве потеряла мать, которая умерла по неизвестным причинам. Отец девушки сильно пил и не интересовался её жизнью и остальными пятью детьми, которые были сданы в интернат. Алкоголизм в СССР 1920-х был наравне с туберкулезом и венерическими заболеваниями, а потому, по мнению советских врачей, представлял серьёзную опасность для социума⁶⁸. В контексте гендерной модернизации в СССР тема алкоголизма также затрагивалась женотделами, но не в Средней Азии. Здесь раскрепощение предназначалось больше для мусульманок, нежели европейцев. Е. Боровой повезло несколько больше, чем другим детям, поскольку отец пристроил её нянькой в многодетную семью, мать которой и приви-

ла девушке любовь к знаниям, научив читать и писать.

Затем Е. Боровая пошла в школу, но доучилась только до 6 класса, поскольку отец начал заставлять её работать. Ситуация, которая произошла с Е. Боровой – наглядный пример плохой работы местного женотдела, который не обращал внимания на неблагополучные европейские семьи, занимаясь только мусульманками. С другой стороны, Е. Боровая демонстрирует, насколько несправедливой оказывалась советская образовательная и политическая система к европейцам в среднеазиатских республиках. Е. Боровой разрешили поступить в медицинский техникум, но ей было тяжело совмещать работу и учёбу. Поэтому она попросила директора перевестись «на продовольствие» – это означало, что учебное заведение обязывалось выплачивать стипендию, бесплатно выдавать учебные принадлежности и съестной паёк. Однако директор ей отказал, хотя, как утверждала Е. Боровая, «на продовольствии» находились все богатые девочки, а нуждающиеся оказались обделены.

Также в письме можно обнаружить свидетельства бытования среди советской молодёжи классовой дискриминации, которая выражалась в издевательствах и унижениях Е. Боровой из-за бедности и неблагополучия её семьи. Несмотря на несправедливость советского государства, ущемления и унижения, Е. Боровая не унывала и стремилась выбраться из бедности через образование и получение социально значимой профессии, которая помогла бы ей самореализоваться в жизни, а также улучшить материальное положение. По всей видимости, Фергана угнетала Е. Боровую, она хотела покинуть город, планируя переехать сначала в Ташкент, а затем почему-то в глухую саратовскую деревню.

Не известно, ответила ли А.В. Артюхина девочке из далёкой Ферганы, никаких данных об этом в РГАСПИ нет. Ответ, если он и был, нужно искать в архивах Ташкента или Ферганы, тогда, вероятно, получится восстановить дальнейшую судьбу Е. Боровой.

Письмо печатается с сохранением авторской орфографии и синтаксиса.

Письмо Елены Боровой А.В. Артюхиной

Здравствуйте, т. Артюхина.

Имя и отчества я Вашего не знаю и поэтому называю по фамилии. Сейчас я учусь в медтехникуме. Когда Вы приезжали в Фергану и приходили в техникум, вы мне очень понравились, я хотела подойти к Вам поговорить, но было неудобно. Я Вам хочу написать про себя. Мама у меня умерла, когда мне было 7 лет. После смерти мамы нас осталось 6 человек детей. Папа у нас очень сердитый, когда напьется всегда ругается. Во время голода мы приехали из России и после того кое-как перебивались, приехали мы из Воронежской губернии. После смерти мамы, троих сестер отдали в интернат, а меня в няньки, хозяйка была учительница, она меня научила писать и читать. Через год они уехали, и папа меня взял к себе. Мне очень охота было учиться. Я кое-как упростила папу отдать меня в школу, он записал меня в школу, я поступила во 2-й класс. Доучилась я до 6 класса, и он меня больше не пустил. Мне очень хочется учиться на доктора.

Я в этом году хотела без билета уехать в Ташкент, но тут стали принимать заявления в здешний медтехникум, я подала заявление 18.09.1926, мне велели прийти на экзамен 20.09.1926. Экзамен я сдала, но меня не приняли, всех девочек приняли, у которых не было желания учиться на медицину, и у которых есть средства продолжать учиться в школе. Но кое-как со слезами я упростила директора, он меня принял на месяц позже после начала ученья. Мне пришлось догонять много, у меня не было ни тетрадей, ни книг, но я кое-как купила тетради и догнала учеников, ученье мне даётся легко, и я их быстро догнала. Но меня приняли приходящей.

Дома папа меня не пускал учиться, но я ему сказала, раз я устроилась, то буду учиться, он мне сказал: «Ну, учись, я тебя не буду кормить, ни одевать, как хочешь так и учись». Я подавала заявление, чтобы меня приняли на продовольствие, но директор не стал даже читать и стал на меня кричать: «Вас приняли учиться, а вы ещё хотите, что-

бы вас приняли на продовольствие». Отец не покупал мне ни ботинок, ни пальто, я до сих пор хожу в порванных сандалиях и в жакете порванной, надо мной в классе смеются девочки и говорят: «Не стыдно тебе такой порванной ходить, мы бы ни за что не стали такими оборванными ходить». А мне нисколько не стыдно такой ходить лишь бы учиться, а в чем я хожу мне все равно. Кто хорошо живет у родителей, те все на продовольствии находятся.

После занятий я к соседям хожу, кому полы вымою, кому помогу постирать, они меня за это кормят обедом, иногда дают денег немного, на них я покупаю тетради, беру кружева вязать, кое-как кормлюсь, у папы я никогда не прошу, он все равно не даст. Мне все соседи советуют бросить ученье и тогда меня папа будет кормить и одевать, но я ни за что не брошу ученье, хотя бы голодной сидела. Простите, что я Вам написала, но мне некому писать, а Вас я видела и Вы мне очень понравились, может, Вы можете как-нибудь меня устроить, а если не сможете, то не надо, я как-нибудь проучусь, посижу голодная, буду такая же, только больше охоты учиться будет.

Только напишите ответ, я очень хочу с Вами переписываться, если Вам не трудно и будет время, напишите что-нибудь о Москве, о себе, а если Вам нет времени, то напишите только, что получили мое письмо. Я так хочу учиться в России, летом думаю заработать в гренажном заведении немного денег и хотя бы без билета поехать в Саратов и устроиться там учиться. Ведь, если кто чего хочет добиться, то всегда добьётся, я постараюсь добиться того, чего хочу. Вся моя мечта окончить учебу, уехать в деревню глухую. Я Вам всё о себе написала. Простите, если я Вас потревожила и написала плохо. Меня папа опять сегодня ругал и велел бросить ученье или он выгонит меня, ну, может быть, не выгонит. Товарищ Артюхина, если не трудно ответьте пожалуйста.

Пока, до свиданья.

Адрес: г. Фергана, ул. Свердлова, Елена Боровая.

РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1206. Л. 51–52.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 61. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–14.
- ² *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте / За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. женотдела Средбюро ЦК РКП. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. С. 126.
- ³ *Смотровя.* Союз солдаток / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 133–134.
- ⁴ *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте. С. 126.
- ⁵ *Бочкарева Е.И., Любимова С.Т.* Светлый путь. Коммунистическая партия советского союза – борец за свободу, равноправие и счастье женщин. М.: Политиздат, 1967. С. 134.
- ⁶ *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте. С. 126.
- ⁷ Там же. С. 127.
- ⁸ *Чаадаева Л.* В потёмках / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 137–139.
- ⁹ *Татыбекова Ж.С.* Раскрепощение женщины Киргизии Великой Октябрьской социалистической революцией (1917–1936 гг.). Фрунзе: Изд. Академии наук Киргизской ССР, 1963. С. 45.
- ¹⁰ *Чаадаева Л.* В потёмках. С. 137–139.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Матрехина.* В Джетысуйской области / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 139–140.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 433. Л. 9–11.
- ¹⁶ Там же. Л. 9–11.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 6–7.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Нарожная.* Мервский уезд Туркмении / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 140–143.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Лаврентьева.* Среди красных печатниц / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 135.
- ²⁷ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.) / под ред. К.Е. Житова. Ташкент: Узбекистан, 1970. С. 80.
- ²⁸ *Чаадаева Л.* В потёмках. С. 137–139.
- ²⁹ *Матрехина.* В Джетысуйской области. С. 139–140.
- ³⁰ *Нарожная.* Мервский уезд Туркмении. С. 140–143.
- ³¹ Национальный архив республики Узбекистан (НА РУ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–3.
- ³² Там же. Л. 5.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Зеленский И.А.* Что такое колонизаторство // Правда Востока. 13 февраля 1925 г. № 35. С. 6.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 443. Л. 15–22.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 66. Л. 1.
- ³⁷ Профессиональные союзы СССР в 1922–1924 гг. Отчёт ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1924. С. 133.
- ³⁸ *Горбунков Я.* Профсоюзы и работа среди женщин // Правда Востока. 11 января 1925 г. № 8. С. 5.
- ³⁹ *Ким Октябрев.* Открытие фабрики «Уртак» // Правда Востока. 1 февраля 1926 г. № 27. С. 5.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 794. Л. 69–74.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 457.
- ⁴⁵ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. С. 80.
- ⁴⁶ *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). С. 457–458.
- ⁴⁷ *Алтарова.* Среди девчат татинпроса / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 81–83.
- ⁴⁸ *Рачинская.* Туземно-европейский инпрос / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 80–81.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 175–177.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 84–95.
- ⁵⁴ *Москалёв В.И.* Узбечка. М.: Изд. охраны материнства и младенчества НКЗ, 1928. С. 40–41.
- ⁵⁵ Например, см.: *Любимова С.Т.* Работа на Востоке // Коммунистка. 1923. № 3–4. С. 27–29; *Она же.* К итогам совещания по работе среди женщин восточных народностей // Коммунистка. 1923. № 5. С. 11–12; *Она же.* Ещё шаг на пути к раскрепощению. Международный день в странах советского Востока // Коммунистка. 1923. № 6. С. 32–34; *Она же.* Наши силы // Коммунистка. 1923. № 9. С. 37–39; *Она же.* Восток // Комму-

нистка. 1923. № 11. С. 28–30; *Она же*. Письма из Туркестана // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 40–41; *Она же*. На Востоке // Коммунистка. 1924. № 3. С. 13; *Она же*. Работа среди женщин в Туркестане // Коммунистка. 1924. № 7. С. 20–21; *Она же*. Курсы волостных организаторов // Коммунистка. 1924. № 10. С. 49; *Она же*. На пути к раскрепощению. К 5-летию работы женотделов в Средней Азии // Коммунистка. 1924. № 12. С. 36–39; *Она же*. По Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 4. С. 56–59; *Она же*. Женские лавки в Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 7. С. 70–72; *Она же*. Борьба на идеологическом фронте // Коммунистка. 1926. № 9. С. 74–75.

⁵⁶ *Любимова С.Т.* Сдвиги. Ташкент: Узгосиздат, 1925. 20 с.; *Она же*. Как живут и работают женщины Средней Азии. М.: Госиздат, 1926. 27 с.; *Она же*. За новый быт. Ташкент: Средазкнига, 1926. 35 с.

⁵⁷ *Любимова С.Т.* Теория и практика работы партии среди женщин. Пособие для курсов по подготовке работников среди женщин Средней Азии. Ташкент: Туркпечать, 1925. 48 с.

⁵⁸ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. С. 121.

⁵⁹ *Алматинская А.* Минувшее. Воспоминания. Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971. С. 24.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

⁶¹ *Мичурина Т.* Правовое положение женщины в Туркмении // Коммунистка. 1926. № 10–11. С. 80–83.

⁶² *Мичурина Т.* Правовая защита женщины в Зеравшане (по материалам обследования женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) работы судорганов по части женских дел) // Правда Востока. 9 мая 1926 г. № 103. С. 3.

⁶³ *Зеленский И.А.* За раскрепощение! Мы должны дать лозунг в нашей работе: идти в наступление! // Правда Востока. 22 октября 1926 г. № 244. С. 2.

⁶⁴ *Scheide C.* 'Born in October': The Life and Thought of Aleksandra Vasil'evna Artyukhina, 1889–1969 / Women in the Stalin Era / ed. by Melanie Ilic. New York: MacMillan, 2001. P. 9–28.

⁶⁵ *Смидович С.* Работница и крестьянка в Октябрьской революции. М.: Госиздат, 1927. С. 51–52.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 778. Л. 181.

⁶⁷ *Пальванова Б.* Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1967. С. 135.

⁶⁸ *Хоффманн Д.Л.* Возращивание масс. Современное государство и советский социализм, 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 101–102.

